

04.02.26

КАК УСТРОЕНА ОБОРОНА ГРЕНЛАНДИИ

Почему президент США Дональд Трамп так одержим идеей получить Гренландию, действительно ли остров защищают только «две собаки упряжки», приведет ли захват территории к расколу НАТО и есть ли у России какие-то амбиции в отношении датской автономии — об этом в интервью RTVI рассказал младший научный сотрудник Института международных исследований МГИМО Никита Липунов.

— Зачем США нужен контроль над Гренландией, если там уже есть американская военная база?

— Инициатива Трампа купить или заполучить контроль над Гренландией — уже вторая для него лично и далеко не первая для США в целом. На протяжении уже более чем полутора столетий США стремятся приобрести остров у Дании, однако Дания занимает довольно жесткую позицию и не готова уступать свою суверенную территорию. Первая попытка была предпринята еще в 1867 году, практически сразу после покупки Аляски у Российской империи. И с тех пор их было несколько. Трамп уже второй раз возвращается к этой идее, но в этот раз он, судя по всему, настроен весьма серьезно.

Объективная сторона вопроса заключается в том, что у Гренландии большое значение для обороны Северной Америки в целом и Соединенных Штатов как ключевой державы на континенте, в частности. Гренландия занимает ключевое геостратегическое положение в Арктике, практически находится в центре этого региона. В то же время она связывает Арктику с Северной Атлантикой, которая имеет

большое значение для НАТО.

Вдоль южной оконечности Гренландии проходят ключевые коммуникации между Европой и Северной Америкой. Сейчас из-за изменения климата в Арктике открываются новые транспортно-логистические маршруты. Некоторые из них проходят в том числе вдоль гренландского побережья. Кроме того, с юго-восточной стороны Гренландии располагается Фареро-Исландский противолодочный рубеж — это ключевая линия обороны НАТО в Северной Атлантике.

С другой стороны, Гренландия чрезвычайно богата природными ресурсами, за которые сейчас идет огромная конкуренция. В первую очередь, речь идет о редкоземельных металлах. И по этой причине Гренландия представляет большой интерес для Вашингтона.

— Почему лично Трамп так одержим идеей приобрести остров?

— Для действующего президента США это некая идея фикс. Трамп, в первую очередь, предприниматель и уже потом политик, причем предприниматель из реального сектора. Поэтому для него Гренландия — это ценный актив, за которым «плохо присматривают» и который нужно приобрести любой ценой.

Недавно в одном из интервью Трамп заявил, что для него очень важен сам факт владения островом, ведь только владение отвечает американским интересам, поскольку аренда или какие-либо другие соглашения ненадежны. Выходит, что он сам раскрыл свою личную мотивацию в гренландском вопросе: для него важен факт владения, что вполне соответствует его психологии, предпринимательской логике. Для него важно обладать таким ценным активом, который объективно имеет большое значение для обороны США и сулит экономические преимущества, в частности, в геополитическом соперничестве с Китаем.

Здесь еще стоит упомянуть «головокружение от успехов» на фоне венесуэльской операции (*3 января США провели операцию в Венесуэле, захватив президента страны Николаса Мадуро. — Прим. RTVI*). К тому же у Трампа есть идеологи присоединения Гренландии в ближайшем окружении. В первую очередь, это один из его ключевых советников Стивен Миллер.

Для Трампа это еще и возможность расширить территорию США, то есть войти в историю, а он не упускает ни одной возможности это сделать. Расширение территории США — это, вероятно, один из пунктов в списке его дел на президентство.

— Какой американский контингент сейчас находится на острове? Каковы задачи базы США в Гренландии?

— С 1953 года у США есть военная база в северо-западной части Гренландии. Первоначально это была база ВВС и называлась Туле, но при предыдущем президенте США Джо Байдене ее переименовали в Питуффик, чтобы лучше отразить гренландский колорит. Теперь эта база уже не ВВС, а воздушно-космических сил.

База Питуффик — это один из ключевых элементов системы противоракетной обороны Северной Америки, в частности, системы раннего предупреждения. Ее главное предназначение — радиолокационное наблюдение за всей Арктикой. Там

расположены мощные радары, которые в последние годы модернизируются. Совсем недавно речь шла об установке загоризонтных радаров.

И датская автономия — одно из звеньев большой линии, которая растянулась от Гренландии через Канадский арктический архипелаг вплоть до Аляски. Эти радары позволяют США вести наблюдения за ситуацией во всей Арктике, в частности, в целях противоракетной обороны, поскольку Арктика — это зона стратегического ядерного сдерживания России и США.

Этим и обусловлено ее военное значение. Контингент там небольшой, но идет модернизация базы. Для США это важный компонент противоракетной обороны, причем в целом в Северной Америке, поскольку у США с Канадой есть объединенное командование NORAD. То есть вопросы воздушно-космической обороны Северной Америки они решают вместе, и здесь Гренландия — одно из ключевых звеньев.

— Недавно Трамп сказал, что оборона Гренландии — это «две собаки упряжки». Действительно ли это так? Какими средствами обороны обладает остров на самом деле?

— Де-факто с 1951 года за оборону Гренландии отвечают США согласно соглашению между Вашингтоном и Копенгагеном. Тем не менее, помимо американского военного контингента и базы, в Гренландии также присутствует скромный датский контингент. Это в том числе патрули на собачьих упряжках, в зоне ответственности которых находится значительная часть территории острова. Их цель — поддерживать датское присутствие, обеспечивать таким образом датский суверенитет над автономией. Также там есть несколько датских баз и станций, из техники — фрегаты и малые самолеты.

Но, действительно, датское военное присутствие в Гренландии довольно скромное.

У самой автономии нет собственных вооруженных сил. По Закону об автономии Гренландии 2009 года вопросы обороны и безопасности находятся в ведении Копенгагена. Де-юре за оборону Гренландии отвечает Копенгаген, но де-факто — еще и США.

— Как вы считаете, получится ли у Трампа дипломатическими методами заполучить Гренландию? Почему?

— Полагаю, что Соединенные Штаты будут, в первую очередь, стремиться решить этот вопрос политико-дипломатическим путем, поскольку силовой вариант слишком рискованный.

Вся риторика Трампа направлена на усиление первоначальной переговорной позиции США. В целом это в духе Трампа — задавать нереалистичные требования и таким образом завышать планку, усиливать свою переговорную позицию, чтобы потом уже с нее вести политический торг. И здесь все его действия, в частности, приказ о разработке силовых сценариев — это морально-психологическое давление на Копенгаген, чтобы в ходе переговоров продавить свои интересы.

Если Дания пойдет на уступки, Соединенные Штаты могут получить значительные экономические преференции, в первую очередь, конечно, американские

энергетические компании. Кроме того, вероятно расширение американского военного присутствия. Но для Трампа, думаю, этого будет недостаточно.

Другой вопрос, что у самой Дании довольно жесткая и категоричная позиция. Дания не готова уступить Гренландию и будет до последнего отстаивать сохранение своего суверенитета над островом. В конце концов, лишившись Гренландии, Дания перестанет быть прибрежной арктической державой, что станет большим ударом для Копенгагена.

– Как сами жители Гренландии относятся к варианту присоединения к США?

– В целом, я бы сказал, отношение крайне негативное. Очередной виток интереса Трампа, который начался больше года назад, усилил сепаратистские и националистические настроения среди гренландцев. По опросам, которые проводили в прошлом году, около 85% населения Гренландии не хотели бы присоединения к США. В идеале они хотят быть гренландцами – не американцами или датчанами, хотя все они датские подданные.

Как ни парадоксально, но в условиях сильного давления со стороны США открыто сепаратистская риторика смягчилась. Ранее премьер-министр Гренландии заявил, что между США и Данией здесь и сейчас они выбирают Копенгаген, а не Вашингтон. Дальнейший нажим Соединенных Штатов и возможное применение силы только подогреет антиамериканский сентимент.

Недавно в сети появилось видео, в котором западный корреспондент беседовал с гренландцами на улицах и спрашивал, готовы ли они стать американцами, если, как обещал Трамп, им выплатят по \$10 тыс. Сначала один гренландец сказал: «Конечно, нет». Но когда корреспондент спросил про \$100 тыс., он сказал: «Тогда да».

Очень сложно предположить, как себя проявит человеческая природа и какую роль сыграет денежный фактор. Но я думаю, что все-таки национальное самосознание, стремление к независимости и националистический сентимент среди гренландцев пока что перевешивают.

– В случае, если Трамп решит применить силовой метод вместо дипломатии, подключится ли Копенгаген к обороне Гренландии?

– Датские вооруженные силы не в состоянии в одиночку отразить возможный американский удар. В принципе коллективно с другими европейскими союзниками это возможно, но только гипотетически. Не думаю, что будет действительно серьезная военно-политическая эскалация. В первую очередь, это станет ударом по НАТО изнутри, ведь Гренландия – это не Венесуэла, а суверенная территория союзника США. Но полностью исключать силовой сценарий я бы не стал.

Другой вопрос, готовы ли будут европейские союзники Дании, ведущие европейские державы, будь то Франция или Германия, которые уже символически направили туда ограниченные контингенты, вступить за Гренландию и вообще за Данию – не на словах, а на деле. То есть вступить в прямое столкновение с США. Полагаю, что нет.

Конечно, Трамп в свойственной ему импульсивной манере может просто пойти с козырей и, проведя «маленькую победоносную войну», усилить свою переговорную

позицию, поскольку в случае силового варианта материальные издержки будут совсем небольшими. По мнению датских экспертов, чтобы заполучить контроль над гренландской столицей, потребуется буквально пять вертолетов, то есть совсем ограниченный контингент, а вся операция займет менее получаса.

Однако политические и репутационные издержки этого шага будут колоссальными. Склоняюсь к тому, что для самой американской администрации — не лично для Трампа, а в целом для американского истеблишмента — силовой сценарий был бы крайне нежелательным. Несмотря на риторику Трампа, НАТО — это важнейший военно-политический актив США. Применение силы в отношении союзника станет совершенно новым уровнем эскалации трансатлантических отношений, если не их крахом.

— Может ли военный сценарий полностью расколоть Североатлантический альянс, где с одной стороны будут США, а с другой — остальные члены НАТО?

— Потенциально да, это может повлечь за собой раскол в НАТО, поэтому политические издержки здесь огромные. Но, с другой стороны, европейские союзники, да и в целом НАТО, опираются на гарантии безопасности со стороны США, на американский ядерный зонтик. Это краеугольный камень НАТО. Не стоит забывать и про поставки вооружений, в которых США доминируют внутри НАТО.

У европейцев весьма неустойчивые позиции, вполне вероятно, что, если Трамп решит играть по-крупному, они будут всячески идти на уступки США, только чтобы не случилось чего похуже. В СМИ появилась информация что обсуждается сценарий «размена Гренландии на поддержку Украины». Но это звучит довольно абсурдно и цинично, о мнении самих гренландцев вообще все забыли.

Полагаю, что все стороны — в первую очередь, европейцы — будут стремиться урегулировать эту ситуацию политико-дипломатическим путем.

— Трамп также заявлял, что США должны владеть Гренландией, чтобы ее не смогли захватить Россия или Китай. При этом сами жители говорят, что ни российского, ни китайского присутствия в Гренландии нет. Есть ли в словах президента США доля правды? Есть ли у России заинтересованность в Гренландии или близлежащих территориях?

— У России такой заинтересованности нет. Нам принадлежит фактически половина Арктики. У нас огромная суверенная Арктическая зона. У России никогда не было ни территориального, но экономического интереса к Гренландии. У нас нет практически никаких официальных связей с островом, кроме как через Данию.

Сами гренландцы, особенно с 2010-х годов, очень осторожно относятся к России. И даже сейчас большинство гренландских политиков избегает контактов с российскими СМИ, поскольку градус русофобии в самой Гренландии, среди западных арктических стран, как и в целом на Западе, особенно среди западных арктических стран, довольно высокий.

Риторика Трампа, а именно использование российской и китайской карты — это всего лишь громкое прикрытие, безусловно, фигура речи. Даже сами североевропейские политики заявили, что никаких российских и тем более китайских подлодок вблизи

Гренландии нет.

Китай в 2010-х пытался зайти в Гренландию, но их оттуда выдавили. Примерно к 2018 году китайские компании были вынуждены покинуть Гренландию и свернуть все проекты по добыче редкоземельных металлов, поскольку американцы надавили на датские власти. Так что ни доли правды в словах президента США нет.

Западные страны очень любят обвинять Россию в милитаризации Арктики, хотя Россия, по сути, укрепляет собственную оборону На Севере и никому не угрожает. Однако Трамп еще с первого президентского срока говорит об Арктике преимущественно в терминах геополитической конкуренции и соперничества с Россией и Китаем, поэтому здесь ничего нового.

Везде якобы есть «российский и китайский след», но это всего лишь прикрытие. Интерес Трампа — это контроль над ресурсами и территорией. Ирония момента в том, что безопасности Гренландии сейчас реально угрожают лишь США.

Впервые опубликовано RTVI: Никита Липунов. **«"Чтобы не случилось чего похуже": нужна ли России Гренландия»**

Источник: **Как устроена оборона Гренландии**

